

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

ЧЕЛОВЕК В РЕВОЛЮЦИИ

Казанская губерния

1917

УДК 94(47)"1917/1918"
ББК 63.3(2)611(28-8Каз)
Ч-39

*Издание подготовлено в рамках Государственной программы
«Реализация государственной национальной политики
в Республике Татарстан на 2014–2020 годы»*

Авторский коллектив:

*Л.Р. Габдрафикова, Е.В. Миронова, Р.Р. Батыршин, Х.М. Абдуллин,
Л.А. Бушуева, И.Е. Крапоткина, А.Р. Мухамедеев*

Научный редактор:

доктор исторических наук *Л.Р. Габдрафикова*

Ответственный редактор:

кандидат исторических наук *Е.В.Миронова*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Р.Р. Салихов*
кандидат исторических наук *И.Р. Миннуллин*

Человек в революции: Казанская губерния: в 2-х томах.
Т.2. 1917 г. / под ред. *Л.Р. Габдрафиковой*; предисл. *Р.С. Хакимова*.
– Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. – 432 с. +
20 с. цв. вкл.

ISBN 978-5-94981-255-6

В монографии представлен историко-антропологический анализ жизни многонационального населения Казанской губернии в 1917 г.: взаимодействие индивида с представителями старой и новой власти, перемены в массовом сознании, социальные реакции на материальные трудности, взаимоотношения в трудовых и учебных коллективах, сельской общине, положение семьи и женщин, проблемы вынужденных мигрантов войны в губернском обществе. Изменившаяся общественная иерархия и трансформация системы власти в губернии обострили внутренние противоречия и породили конфликты, как между различными социальными группами, так и внутри сообществ. В контексте символики власти особое внимание уделяется истории Казанского кремля. Исследование базируется на новейших методологических подходах и неопубликованных документальных источниках, в том числе материалах личного происхождения.

Монография рассчитана на специалистов, аспирантов и студентов, а также на всех, кто интересуется историей России и Поволжья.

ISBN 978-5-94981-255-6

УДК 94(47)"1917/1918"
ББК 63.3(2)611(28-8Каз)

© Авторы, 2017

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Революция 1917 г.: конец эпохи без продолжения (<i>Р.С. Хахимов</i>)	6
Казанская губерния в 1917 г.: историко-методологические аспекты (<i>Л.Р. Габдрафикова</i>)	16
Глава 1. Власть и общество в год революции	42
1.1. «Прошу уведомить меня кому я должен сдать свою должность...»: трансформация власти в Казанской губернии в 1917 г. (<i>Е.В. Миронова</i>)	42
1.2. «... Приказал временно молитву за царя и гимн не петь»: символы власти в Казанской губернии (1917–1918 гг.) (<i>Л.Р. Габдрафикова, А.Р. Мухамадеев</i>)	69
1.3. «...Население настолько невежественно, что личное благополучие ставит выше всего...»: общественные настроения в 1917 г. (<i>Л.Р. Габдрафикова</i>)	85
1.4. «Чувствую, что долго не вынесу лежащей на мне работы...»: попечители Казанского учебного округа в 1917 г. (<i>И.Е. Крапоткина</i>)	109
Глава 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений	123
2.1. «...Земля не должна выделяться в вечную собственность»: сельская община Казанской губернии в 1917 г. (<i>Р.Р. Батыршин</i>)	123
2.2. «Фирма снимает с себя нравственную ответственность перед Родиной...»: фабрично-заводской коллектив г.Казани в 1917–1918 гг. (<i>Л.Р. Габдрафикова</i>)	146
2.3. «Эти нижние чины не знают даже для чего они призваны на службу...»: Казанский гарнизон в 1917 г. (<i>Х.М. Абдуллин</i>)	173
2.4. «Решение студентов прервать учение обрекает наш университет на бездействие...»: Казанский университет в 1917 г. (<i>Л.А. Бушуева</i>)	191
Глава 3. Революция глазами женщин	209
3.1. «Сажаем, сеем, как будто и нет на свете революции и войны»: дворянки Казанской губернии в эпоху революции (<i>Е.В. Миронова</i>)	209
3.2. «Зачем берут наших детей и мужей, а полицию не берут...»: крестьянки Казанской губернии в начале XX в. (<i>Р.Р. Батыршин</i>)	225
3.3. «Нас хотят сделать большевиками, вероотступниками...»: мусульманки Волго-Уральского региона в 1917 году (<i>Л.Р. Габдрафикова</i>)	245

Глава 4. «Чужие» в Казанской губернии	271
4.1. «Надеялись избавиться от работ...»: жизнь военнопленных в период революции (Л.Р. Габдрафикова)	271
4.2. «Надоели народонаселению своими просьбами в подаянии...»: положение беженцев в 1915–1918 гг. (Л.Р. Габдрафикова)	293
4.3. «Совсем не заслужил на таковое выселение, я мирный житель...»: положение интернированного населения (Е.В. Миронова)	314
Заключение (Л.Р. Габдрафикова)	330
<i>Приложение №1. Уездные комиссары Временного правительства и их помощники в Казанской губернии</i>	335
<i>Приложение №2. Заявление Лаишевского уездного комиссара Владимира Николаевича Бельковича о своих социалистических убеждениях Казанскому губернскому комиссару В.А. Чернышеву</i>	337
<i>Приложение №3. Телеграмма-приветствие Казанского губернского комиссара В.А. Чернышева в адрес участников 2-го Всероссийского мусульманского съезда в Казани</i>	339
<i>Приложение №4. Прощение казанского губернского комиссара в Казанскую губернскую продовольственную управу о выделении сахара для служащих Губернского комиссариата</i>	340
<i>Приложение №5. Заявление Председателя комитета Казанского общества трезвости А.Соловьева Прокурору Казанской судебной палаты о незаконном обыске в его квартире, по указанию Исполнительного комитета Общественной безопасности г. Казани</i>	340
<i>Приложение №6. Объяснительная записка имама Оренбургской 1-й соборной мечети Мухаметвалия Абдулганиевича Хусаинова на имя муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания о своей лояльности к новой власти</i>	341
<i>Приложение №7. Телефонограмма Лаишевскому уездному комиссару от Губернского комиссара о ситуации в Рыбной Слободе</i>	341
<i>Приложение №8. Телефонограмма Казанского губернского комиссара Свяжскому уездному комиссару о повреждениях телефонной линии в Свяжском уезде</i>	342
<i>Приложение №9. Сообщение Свяжского уездного комиссара Казанскому губернскому комиссару об участвовавших кражах из православных храмов</i>	342
<i>Приложение №10. Из воспоминаний бывшего земского деятеля Казанской губернии, эмигранта Н.А. Мельникова о заседании Казанского губернского земского собрания весной 1917 года</i>	343
<i>Приложение №11. Список кандидатов в гласные Казанской городской думы, заявленные в Городскую управу по выборам 8-го октября 1917 г.</i>	344

<i>Приложение №12.</i> Из воспоминаний Шагита Ахмадеева о Муллануре Вахитове (на татарском языке)	372
<i>Приложение №13.</i> Документы о конфликте землевладелицы В.И. Беликович и Ульяновского волостного комитета (Свияжский уезд)	373
<i>Приложение №14.</i> Прошение на имя казанского губернского комиссара В.А. Чернышова от хуторян 1-й и 2-й Машлаковской казен. оброчной статьи при дер. Верхнем и Большом Машляк, Шеморбашской волости Мамадышского уезда о прекращении аграрных беспорядков и расхищения их имущества жителями д. Верхний Машляк	375
<i>Приложение №15.</i> Из дневника вольнослушательницы историче- ского отделения историко-филологического факультета Казанского университета Милицы Васильевны Нечкиной	376
<i>Приложение №16.</i> Автобиография Мухитдиновой Амины Фасаховны ...	377
<i>Приложение №17.</i> Сведения о числе трудоспособных и вставших к 1 августа на сельскохозяйственные работы беженцев, подготовленные Казанской губернской земской управой	378
<i>Приложение №18.</i> Семьи мусульман-беженцев, получавших пособия от Мусульманского отдела Казанского городского комитета помощи беженцам	379
<i>Приложение №19.</i> Прошение от начальника Казанского управления земледелия и государственных имуществ Министерства земледелия на имя казанского губернатора П.М. Боярского о рабочих-сартах в Казанской губернии	389
<i>Приложение №20.</i> Заметка «Военнопленные в Уфе» из газеты «Уфимский вестник»	390
<i>Приложение №21.</i> Список офицеров бежавших из лагеря военнопленных в Сарапуле, утвержденный Исполнительным комитетом Сарапульского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для распространения в соседних уездах	391
<i>Приложение №22.</i> Автобиография бывшего военнопленного, преподавателя факультета физвоспитания и спорта Казанского государственного педагогического института Вашш Юлия Адамовича	393
<i>Приложение №23.</i> Стихотворение Садри Максуди о революции на французском языке	394
Библиография	396
Именной указатель	416
Географический указатель	423
Список сокращений	428
Сведения об авторах	429

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г.: КОНЕЦ ЭПОХИ БЕЗ ПРОДОЛЖЕНИЯ

Любая революция является завершением определенной эпохи. Россия к началу XX в. созрела для прощания с Долгим Средневековьем. Не только русские, но и многие народы империи, в том числе и татары, вступили на путь капитализма. Они требовали гражданских прав, свободы слова, реформирования государственного устройства, в частности, перехода к федеративной России. Монархия никак не решалась сделать кардинальные шаги, а полумеры только усугубляли положение. После революции 1905 г. Столыпин попытался установить жесткий режим вместо того, чтобы расширить права народов и гражданские свободы. Политика «закручивания гаек» привела к обратному результату – усилилась решимость революционеров идти до победного конца.

Бунтарское начало в России, имело свои традиции еще со времен Пугачева, оно не балансировалось законами, как это было в Европе. Не прав был Бердяев, который утверждал, что «В Русской революции мы и видим господство исключительно восточного начала, отвергающего нормы цивилизации и расковывающего хаос»¹. Революционная мысль пришла в Россию не с Востока, а с Запада, хорошо прижилась на удобренной Петром I почве. От революционеров не требовалось понимание истории и духа народа, они отвергали прошлое в качестве фундамента будущего. Революция толковалась как самодостаточный бунт. По словам Плеханова, «благо революции – высший закон». Этот тезис был подхвачен русской мыслью. Идея безграничной свободы вела к безграничной деспотии, писал Достоевский в «Бесах».

Выросшая в XIX–XX вв. интеллигенция оказалась чистым криком власти, она и подготовила революцию в умах. Интеллигенция была наиболее образованной частью общества, носителем подлинно русской культуры, но не имела доступа к власти, а пото-

¹ Бердяев Н. Философия свободы. – М., 2002. – С. 288.

му противостояла ей и объективно, и субъективно. А дворянство, хотя и было образованным, но уже не имело монополии на воспроизводство культуры. После выступления декабристов дворянство потеряло доступ к власти. 14 декабря 1825 г. стало последним напоминанием о гвардейских дворцовых переворотах, после чего политическая роль русского дворянства закончилась. Дальше на сцене появляется чистая интеллигенция в чисто русском смысле этого слова, т.е. сугубо критически настроенная к властям. Не случайно среди наиболее образованных людей России было много революционеров, начиная с друзей Пушкина, Радищева, Герцена и кончая Бакуниным, Кропоткиным – столпов мирового анархизма. Чернышевский и Добролюбов пусть ступенью ниже, но были, бесспорно, представителями высокой культуры. Но затем появляются менее культурные, но не менее революционные, по большей части выучившиеся в Европе революционному духу писатели и общественные деятели. А затем уже явились полуинтеллигенты, воспринявшие только политическую сторону русской и европейской философии, убежденные, «что горсть политических идей важнее религии, важнее культуры, важнее всего прочего содержания жизни и истории»². Левые эсеры, меньшевики и большевики – все были по большей части публицистами, порой блестящими революционными публицистами. «Конь бледный» Бориса Савинкова далеко не исключение, а скорее символический образец той литературы, которая отразила настроение этих слоев.

В России никогда не было сколь-нибудь влиятельной либеральной идеологии. О свободе больше говорили анархисты, причем анархизм в понимании Бакунина и кн. Кропоткина не был произволом, он был самоорганизацией общества без чиновников – истинным коммунизмом. Однако в России предпочитали иную трактовку и иное поведение – свобода чаще понималась как анархия в худшем смысле этого слова, как беспредел.

Политическая культура России строилась на произволе. Иван Грозный провозгласил: «жаловать своих холопей мы вольны и казнить их вольны же». Он «захотел не только сам быть самодержавным, но и утвердить единодержавие на будущее время твердо и непоколебимо. Он начал ломать все, что только казалось противным единодержавию, все, в чем даже только подозревал независимость. Он жег, казнил и мучил, свирепо истреблял целые семьи, осудил на бойню Новгород за то, что с его именем соединялось много неприятных для единодержавия воспоминаний; он ставил свой произвол выше всего, заставлял самую церковь позволять ему то, чего позволять она никому другому не должна была, и создавал

² Вейдле В. Задача России. – Нью-Йорк, 1956. – С. 93.

себе новых слуг единой державы, обязанных возвышением ему, а не породе и в деле службы единственно по его воле действующих. Все казни сходили ему с рук, потому что меньшинство хотело ограничения самодержавия, а за самодержавие была вся громада народа, для которой противно было всякое разделение власти, чужда всякая сложность, взаимозависимость, – громада, которая нуждалась прежде всего во внешней безопасности и испытала веками, что только при власти единого можно сколько-нибудь ее достигнуть, покоряясь этому единому безропотно, без размышления, поверяла его воле вечного промысла, для этого единого, избранного небом, хотела жить, ему принадлежать»³. Впоследствии и собор, игравший номинальную роль, был отвергнут как лишний институт и восторжествовало самодержавие и крепостничество. По иронии судьбы каждый шаг страны от золотоордынских традиций к чисто русской политической культуре вел не в сторону расширения свободы, а закреплял произвол как принцип.

Петр I был достойным продолжателем деспотизма Ивана Грозного. Как ответ на петровский произвол происходило массовое бегство крестьян, порой целыми деревнями, в Польшу, Дон, к башкирам, за Урал, сибирские города, а затем появились по всей стране разбойничьи шайки, предводимые беглыми солдатами, они соединялись в хорошо вооруженные конные отряды и уничтожали многолюдные села, останавливали казенные сборы, врываются в города. «Разбоями низ отвечал на произвол верха: это была молчаливая круговая порука беззакония и неспособности здесь и безрасчетного отчаяния там. Столичный приказный, проезжий генерал, захолустный дворянин выбрасывали за окно указы грозного преобразователя и вместе с лесным разбойником мало беспокоились тем, что в столицах действуют полудержавный Сенат и девять, а потом десять по-шведски устроенных коллегий с систематически разграниченными ведомствами. Внушительным законодательным фасадом прикрывалось общее безнарядье»⁴. При Петре было четыре страшных мятежа и несколько заговоров, причем с участием родного сына.

С другой стороны, идея свободы оказалась столь же противоречивой как право власти на произвол – она выразилась или в уходе от жизни в географический простор, в странничество или же в утверждении своих прав с помощью бунта и террора народовольцев. А когда, наконец, свобода победила в годы революции, она вновь установила произвол. Свобода оказалась всего лишь правом на произвол, она не получила позитивного вектора самоутвержде-

³ Костомаров Н. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. – М., 1994. – С. 565.

⁴ Ключевский В.О. Сочинения. Т.IV. – М., 1989. – С. 182.

ния. Логика права оказалась враждебна русскому уму. Русский человек предпочитал жить по совести, но не по закону и при этом проклинал произвол, от которого более всего страдал. Он на произвол отвечал бунтом, который был самым что ни на есть откровенным и диким произволом.

Причины бед России не надо искать в татарах, поляках, католичестве, заговорах Запада или НАТО, они заложены в политической культуре. Чаадаев так объяснял особенности страны: «Говоря о России, постоянно воображают, будто говорят о таком же государстве, как и другие; на самом деле это совсем не так. Россия – целый особый мир, покорный воле, произволению, фантазии одного человека, – именуется ли он Петром или Иваном, не в том дело: во всех случаях одинаково это – олицетворение произвола. В противоположность всем законам человеческого общежития Россия шествует только в направлении своего собственного порабощения всех соседних народов. И поэтому было бы полезно не только в интересах других народов, а в ее собственных интересах – заставить ее перейти на новые пути»⁵. Россия даже после революции не смогла избрать иной путь. Заложённое в основу противостояние произвола и бунта сохранилось вплоть до XX в.

Перед войной 1914 г. на излёте монархической идеи страна оказалась без руля и без ветрил. Православная церковь, веками выполнявшая идеологическую функцию, была слишком тесно связана с государством, эта «симфония» сводилась чаще к обслуживанию интересов державы. «Та вера, – писал Лев Толстой, – которую исповедует наша иерархия и которой она учит народ, есть не только ложь, но и безнравственный обман»⁶. В какой-то момент православие из собирателя русских земель становится обыкновенным тормозом развития. Прозападнические настроения и богоискательство писателей во многом отражали недовольство религиозной ортодоксией.

О кризисе духовном писали многие, но, пожалуй, самым знаковым было отлучение Льва Толстого от церкви. В грехе жила вся страна, дошедшая до хлыстовства, а отлучили только его. На самой вершине развития русской культуры в лице Льва Толстого, выразителя тектонических сдвигов в российском обществе, сама основа русской этничности – православная церковь отвергла величайшего выразителя народного духа. Такая метаморфоза обозначила зкат главной составляющей Москвы как собирателя русских земель – духовности. Заложённые Петром I в государственный строй «мины» начали взрывать сам фундамент, хотя еще где-то маячили

⁵ Чаадаев Петр. «L'UNIVERS». 15 января 1854 // Стратегия России. – №10, октябрь 2004. – С.64.

⁶ Толстой Л. Четвероевангелие. – М., 2002. – С. 6.

странные православные образы, то в виде мужицкого Христа Льва Толстого, то в виде красноармейского Христа Александра Блока:

Мы на горе всем буржуйам
Мировой пожар раздуем
Мировой пожар в крови –
Господи, благослови!
... Так идут державным шагом,
Позади – голодный пес,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредем,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной.
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос.

Н.Н.Зворыкин писал: «Когда ничтожная горсть большевиков, столь быстро и неожиданно завладела могущественною Российской Империей, недоумевающие иностранцы спрашивали, каким образом русское, сильнейшее в мире войско могло изменить своему государю, и каким образом, многомиллионный русский народ, так еще недавно обожавший своего “царя батюшку”, предал его на поругание и смерть, а свое великое отечество – на бесчестие и разорение?». В поисках ответа на этот вопрос он приходит к выводу, что революция явилась следствием неудачной освободительной реформы 1861 г., которая «дышит какою-то нерешительностью, торопливостью, недомолвками и незаконченностью, сглаживаемыми высокаторжественным стилем и искусною канцелярскою риторикою. Она не производит впечатления ярко-определенного, могучего, широкого размаха гениального творчества великого реформатора, решившегося произвести зрело обдуманый радикальный социально-экономический переворот, обеспечивающий будущее благосостояние всего русского народа: она только отвечала назревшей необходимости отмены крепостного права»⁷. В этом стиле в России проходили все реформы и все беды исходили из этой половинчатости и нерешительности.

Крепостничество стало мощнейшим тормозом экономического развития России, ведь основная масса населения России были крестьянами, а с ними напрямую были связаны помещики и дворяне. Торговцы и ремесленники составляли узкую прослойку и никак не влияли на дела государства. Причем крепостничество в России было наихудшим из всех, которое было в мире. Крестьянин прикреп-

⁷ Зворыкин Н.Н. К Возрождению России. – Париж, 1929. – С. 31.

лялся не к земле как в Европе, даже не к состоянию, а к владельцу, порождая абсолютный произвол. Крепостничество создало внутренний конфликт – городской и сельской культур. При Петре этот конфликт только наметился, но затем перерос в принципиальное противостояние. Этот конфликт во многом подготовил социалистическую революцию.

Исходная ошибка власти заключалась в неверной оценке роли сельской общины как явления, имманентно присущего русскому обществу. Время требовало избавления государства от патриархальной общины, вместо этого была закреплена ее власть над крестьянином. Помещика и дворянина заменила община. Сельская община была у всех народов, однако на определенной довольно низкой ступени развития. Вместе с прогрессом в земледелии община распалась на хуторские хозяйства. «Для освобождения от крепостной зависимости русских крестьян необходимо было создать наиболее благоприятные условия для выхода из сельской общины, – для отлива из нее излишков населения, по мере его размножения; а, вместо того, их замкнули в сельской общине, как в железном кругу, с запрещением выхода из нее, как им самим, так и их многочисленному потомству; – это была величайшая социально-экономическая ошибка, имевшая своими последствиями переполнение скученного на тесной площади сельского населения, которое, при своем невежестве, могло кормиться только от рутинного хлебопашества».⁸ Сельская община не имела ни свободных земель, ни угодий, при этом не могла отпускать крестьян на вольные хлеба. Это было то же самое крепостничество, но в другой форме. Насколько крепостнический дух укоренился в обществе показывает последующая история – колхозы до деталей повторили этот губительный для страны опыт.

Крестьянский вопрос можно было решить разными путями. Один из самых простых – колонизация новых земель, которых в России было более, чем достаточно. Многие народы использовали этот путь, начиная с древних греков и заканчивая американцами. Европа, где количество земель было ограниченным, использовала путь интенсификации сельского хозяйства, а избыток населения поглощали города. В крайнем случае, население мигрировало. В России все эти возможные пути отвергли. Обычная для России оригинальность решений – найти путь, которого нигде в мире не существует, загнала и крестьян, а вместе с тем и всю страну в революционную карусель. Крестьяне жаловались на малоземелье, в то время как огромные пространства пустовали, города не развивались и не могли принять всех желающих, гражданские права были у всех классов, кроме крестьян, которые оказались в плену у сельской общины – исторического общественного пережитка. Пересе-

⁸ Там же. – С. 35.

ление крестьян в Сибирь не смогло обеспечить достаточный отток населения, к тому же и на новых территориях земледелие строилось на той же самой порочной основе. Закон Столыпина о переходе крестьян общинников на отруба был исторически верной, но запоздалой реформой, как и вся его политика, не отдалявшая, а приближавшая революцию.

Русско-японская, а затем Первая мировая война показали тупиковость петровской модели развития, которая ориентировалась на технические новшества, но отвергала политические свободы. Как заметил Лев Троцкий о Петре, «европейское оружие и европейские займы – продукты более высокой культуры – привели к усилению царизма, который становился тормозом развития». Страна не могла совершить настоящую индустриализацию без политических свобод, без творческого духа.

Бездарный Николай II вместо преобразований в государстве, принятия Конституции и укрепления парламента ввязался в мировую бойню, якобы спасать сербских братьев, что не оставило шансов для мирного исхода революционной ситуации внутри страны. Царь собственными руками вооружил не только армию, но также массы простых крестьян, мечтавших о земле, ради чего они повернули штыки против царя. Несмотря на наличие множества партий и ученых мужей, предлагавших самые разные проекты реформ и Конституции, основным идеологом оказался Распутин, привнесший хлыстовщину аж в покои царского дворца. Квасной патриотизм, возбуждавший наивные умы в самом начале войны, после первых же трудностей, обернулся ненавистью к монархии. Участь монархии была предreshена. Нет ни малейших оснований восторгаться царской властью, она долгие годы призывала демонов революции. Если долго всматриваться в бездну – бездна начнет всматриваться в тебя. Бездна поглотила монархию.

Россия в принципе могла и без буржуазной революции встать на путь преобразований, но для этого нужна была политическая воля. А монархия оказалась безвольной, деморализованной. Капитализм набирал обороты и не было острой необходимости в ликвидации монархии, как это случилось во Франции. Просвещение худо-бедно делало свое дело. Русская культура расцветала. Образованных специалистов было достаточно. Нужна была политическая воля. Но вместо реформирования страны Николай II уехал на фронт.

Перед революцией политический спектр партий, несмотря на свою пестроту, явно был смещен в сторону влияния социал-демократических идей. Основные доминирующие партии находились именно слева. Среди них эсэры, меньшевики, большевики, анархисты и др. Большевики отнюдь не были массовой партией, их популярность была весьма скромной.

Правые политические силы или себя дискредитировали, или же оказались не способными управлять. Правительство Керенского оказалось временным в буквальном смысле слова. Когда наступил в стране хаос и власть «валялась на улице» большевики оказались в нужное время в нужном месте. Революционное чутье Ленина сказало решающим образом. Большевики без особых усилий просто подобрали власть, они не столько взяли власть, сколько заполнили вакуум власти, возглавив революционные массы. Они в одночасье из простой секты социал-демократов стали вождями радикальных сил. Остальные партии просто заболтали свои цели в нескончаемых дискуссиях.

Популярность большевиков строилась не столько на привлекательности их программы, сколько прагматичности. Они не стеснялись перехватывать лозунги других партий и движений. Так, у эсэров взяли тезис о земле. Идею самоопределения и федерализации страны заимствовали у различных национальных движений. До революции ни Ленин, ни Сталин не помышляли о федерализме. Они к ей пришли по факту, вынужденно, когда увидели, что страна фактически распалась. И тезис о самоопределении наций придумал не Ленин, он заимствовал его у Вудро Вильсона, как способ разрушения империй и освобождения колониальных стран.

«Красный террор», в котором обвиняют большевиков и, в частности, Ленина – неизбежный продукт любых революций. Так, якобинская диктатура была жесточайшей, гильотина не простаивала. Робеспьер, казнив Дантона, похоронил веру в революционные идеалы равноправия и справедливости. Русская революция следовала тем же правилам. Многие бывшие революционеры, были нравственно потрясены и раздавлены волной «красного террора». Они даже не могли себе представить, что ожидаемая ими революция выльется в массовое самоистребление народа, гибель интеллигенции и методическое уничтожение большевиками своих политических оппонентов. Они мечтали о другом, о культурной роли революции, об освобождении энергии демократии для перестройки жизни, торжестве разума.

Революции по злой иронии не ведут к заявленной свободе, напротив, они призывают ответную реакцию, реставрацию и диктатуру. «"Реакция" не есть явление, выходящее за пределы революции, – пишет Питирим Сорокин, – а неизбежная часть самого революционного периода – его вторая половина. Диктатура Робеспьера или Ленина, Кроуэля или Яна Жижки означала не конец революции, а ее разгар. Между тем эти диктатуры ознаменовали вступление революции во второй ее период – период "реакции" или "торможения", а не знаменовали конец революции»⁹. Достаточно взглянуть на ход

⁹ Сорокин П. Социология революции. – М., 2005. – С. 30.

французской истории XIX века, чтобы увидеть непрестанную борьбу между Революцией и Реставрацией, вехи которой 1815, 1830, 1848, 1851, 1870 гг., Парижская Коммуна 1877 г. При этом недавние революционеры легко становились реакционерами. Намерения революционеров, зачастую были вполне искренними, но последствия политических переворотов кардинально отличались от заявленных лозунгов. Объяснение кроется в консерватизме масс. Несмотря на их революционный образ действий, они всегда заканчивают восстановлением того, что они низвергали, ибо для человека прошлое гораздо более значимо, чем настоящее. Причина радикальных социальных сдвигов во время революций и гражданских войн кроется в разрушении привычного поведения и представлений. Буйство миллионов ведет к освобождению «демонического» начала в человеке, ибо исчезает давление норм и ценностей. В человеке просыпается зверь. Именно ярость инстинктов, разрушающих все социальные отношения и даже основы существования общества, требуют впоследствии применения тиранической власти, способной бушующие страсти ввести в хоть какое-нибудь русло. Сорокин, воочию наблюдавший революцию в России пишет, что революции «не социализируют, а биологизируют людей, не увеличивают, а уменьшают сумму свобод, не улучшают, а ухудшают материальное и духовное состояние трудовых и низших масс населения, не раскрепощают, а закрепощают их, наказывают не только и не столько те привилегированные классы, которые своим паразитизмом, своим распутством, бездарностью и забвением социальных обязанностей заслуживают если не наказания, то низвержения со своих командных постов, сколько наказывают те миллионы "труждающихся и обремененных"*», которые в припадке отчаяния мнят найти в революции свое спасение и конец своим бедствиям»¹⁰. Революционеры чувствуют кризис, но они не знают путей трансформации общества.

Диктатура Сталина была естественным концом революции. Она была глубоко реакционной. Это не было реставрацией старых порядков, просто вместо православия создали коммунистическую религию, а вместо царя навязали культ личности.

Социализм вначале, как и петровские реформы, дал ощутимые результаты в экономике, внешней политике, науках, но постепенно общественная мысль застыла, она стала коммунистическим «мазхабом» – сводом жестких канонов, отступление от которых было равносильно ереси. Политические структуры приобрели гипертрофированно централизованную форму, управление, финансы, идеи могли существовать только в Москве, которая отстраивалась и

* Слова Иисуса Христа: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11, 28).

¹⁰ Сорокин П. Социология революции. – М., 2005. – С. 33–34.

процветала, точно также как в петровские времена Петербург – в провинциях запрещалось строить, а все средства стекались в столицу. Социалистическая метаморфоза завершилась интеллектуальным и экономическим истощением страны.

Сегодня существуют самые разные оценки революции 1917 г. Кто-то называет это переворотом. Былое непомерное возвеличивание Октябрьской революции нынче обернулось ее тотальным осуждением. Обвинения посыпались в адрес большевиков и лично Ленина. На фоне возвеличивания Сталина фигура Ленина ушла в глубокую тень. Ленин, конечно, не был ангелом, как и любой революционер, но он не был и злодеем, наподобие Сталина.

В свое время Уинстон Черчилль сказал: «Только Ленин мог вывести русских из того болота, куда он сам их завел». У Ленина, несмотря на большевизм, ярко проявлялось социал-демократическое начало. Его шаги с НЭП показывают, что в принципе было возможно иное развитие страны, нежели сталинский тоталитаризм. Такие страны, как Швеция или Австрия показывают принципиальную возможность успешного существования демократического социализма.

Ленин, несмотря на замалчивание его наследия в России, остается величайшей личностью всех времен, чего не скажешь о Сталине. Без Ленина невозможно понять развитие мировой истории в XX в. Неслучайно в Европе существует такое движение как неоленинизм. В России же предпочитают Петра I и Сталина.

История – это постоянное расширение свободы через ограничение произвола. Именно это содействует развитию духа народа, который находит новые идеи благодаря свободомыслию. Законы вместо обычного права, суд вместо кровной мести, власть королей, ограниченная парламентом, демократия, заменившая монархию, развитая демократия вместо диктатуры механического большинства – таковы ступени преодоления произвола в мировой истории. Ограничение произвола освобождает дух народа для исторического творчества. Без свободы нет конкуренции идей, оригинальных решений, а без свежих идей общество загнивает. Любое ограничение свободы, какими бы доводами это не обосновывалось, не имеет исторического оправдания. Можно найти объяснения для установления жесткой власти, исходя из сиюминутных причин, «доказать», что у общества не было альтернативы, но в этом случае нужно быть готовым к тому, что твоя страна окажется на «запасном пути», и шансы выбраться из этого тупика, чтобы догнать ушедшие вперед народы, окажутся существенно ограниченными.

Рафаэль Хакимов

доктор исторических наук,
директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ,
академик АН РТ, вице-президент АН РТ

КАЗАНСКАЯ ГУБЕРНИЯ В 1917 г.: **ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

В первом томе монографии «Человек в революции: Казанская губерния» уже был представлен краткий обзор губернии в начале XX в., где обозначены ее сословные и этноконфессиональные особенности¹. В 1904 г. население губернии насчитывало 2 445 732 человека, а накануне Первой мировой войны – 2 850 101². Казанская губерния оставалась одним из самых сложных регионов Российской империи, где проживали представители различных этносов и конфессий.

После событий 1905–1907 гг. наметились тенденции по национальной консолидации. Обращение к этническому дискурсу стало в какой-то мере результатом краха общегражданских идеалов о правовом государстве. Именно на этот период приходится ренессанс татарской культуры с «золотым веком» литературы, огромной книгоиздательской сетью, десятками газет и журналов на татарском языке, театральными постановками, усиленной работой татарских интеллектуалов в области истории, богословия, философии, лингвистики и других гуманитарных сферах. В постреволюционный период идет выстраивание новой системы обучения в медресе. Рост национального самосознания наблюдался и среди других народов Поволжья. Развивалась национальная литература, появились периодические издания на марийском, чувашском, удмуртском языках.

Основными конфессиями региона оставались ислам и православие. На 1 января 1916 г. в Казанской губернии было зарегистрировано 1010 мусульманских и 604 православных прихода³. Подписанный 17 апреля 1905 г. указ «Об укреплении начал веротерпимости» дал народам России право на легализацию фактического вероисповедания. В этот период массовым явлением стало возвращение в ислам крещеных татар. К 1909 г. отпавших только по Казанской губернии насчитывалось более 35 тыс. человек. Цифра эта была довольно внушительной, особенно если сопоставить с данными об отпавших за сорок предыдущих лет – с 1860 гг. по 1905 г. За

¹ Человек в революции: Казанская губерния: в 2-х т. – Т.1. 1905–1907 гг. – Казань, 2016. – С.7–12.

² Перцов В.В. Очерк статистики и экономики Казанской губернии. – Казань, 1919. –С.14; Адрес-календарь Казанской губернии на 1905 год. – Казань, 1905. – С.346.

³ Статистический ежегодник России 1916 г. – Вып.1. – М., 1918. – С.83, 77.

этот период подали прошения о разрешении вернуться в ислам около 32 тыс. крещеных татар⁴.

Однако, несмотря на изменения в законодательстве, на практике регистрация мусульманских приходов отпавшими крещеными татарами встречала затруднения. Показательной является история татар с. Апазово Казанского уезда: они сумели добиться официального признания своей махалли лишь после февральской революции 1917 г.⁵ В целом, общее число мусульманских приходов Казанской губернии с 1905 по 1916 г. практически не изменилось, хотя, даже по приблизительным подсчетам, отпавшие в ислам крещеные татары к этому времени должны были образовать более 80 новых приходов.

Между тем, в эти годы приобрели юридический статус старообрядческие общины Казанской губернии. Накануне Первой мировой войны их официальное число достигло 21⁶. Также примечательным явлением в религиозной жизни губернии стало открытие 12 марта 1915 г. синагоги в Казани, это было специально выстроенное здание. До этого казанские иудеи арендовали помещение⁷. В новом молитвенном доме искали утешение не только местные верующие, но и вынужденные мигранты войны из западных окраин страны. С началом войны увеличилось число прихожан католического и протестантского храмов г. Казани. К слову, органистом лютеранской кирхи служил казанский поляк Ксаверий Корбут, отец будущего «красного» профессора М.К.Корбута. Музыкант был родом из г. Ковно⁸.

По данным на 1 июня 1916 г. в Казанской губернии было зафиксировано 2 919 558 жителей. Из них проживало в Казани 215 472 человека. Население большинства уездных городов варьировалось в пределах 3–6 тысяч. Лишь количество жителей уездного Чистополя было свыше 29 тысяч, а также в Козмодемьянске зафиксировано 9 тыс. человек. Основное население губернии проживало в уездах.

⁴ Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года: документы и материалы / сост. И.К. Загидуллин, Р.М. Залялетдинова. – Казань, 2015. – С.125.

⁵ Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). – Казань, 1994. – С.155.

⁶ Латыпов И.Р. «Десятилетие свободы» (1905–1917 гг.) для старообрядцев Казанской губернии // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2011. – №2. – С.223.

⁷ Карпенко И. Казанское притяжение // Лехаим. – 2008. – №11 (199) URL: lechaim.ru/ARHIV/199/region.htm (дата обращения 24.02.2017).

⁸ Литвин А.А., Маслова Е.С., Сальникова А.А. Жизнь и судьба «красного» профессора: Михаил Ксаверьевич Корбут (1899–1937). – Казань, 2009. – С.10.

Таблица 1⁹

Население Казанской губернии в 1916 г.

<i>Населенный пункт</i>	<i>Количество населения</i>	<i>%</i>
Казань	215 472	7,3
Арск	1247	0,04
Казанский уезд	305 053	10,4
Козмодемьянск	9000	0,3
Троицкий посад	2117	0,07
Козмодемьянский уезд	111 130	3,8
Лаишев	5527	0,18
Лаишевский уезд	235 656	8
Мамадыш	6208	0,2
Мамадышский уезд	247 544	8,4
Свияжск	3129	0,10
Свияжский уезд	167 884	5,7
Спасск	3332	0,11
Спасский уезд	219 845	7,5
Тетюши	6404	0,2
Тетюшский уезд	263 698	9
Царевококшайск	3040	0,10
Царевококшайский уезд	136 476	4,6
Цивильск	3348	0,11
Цивильский уезд	220 638	7,5
Чебоксары	5701	0,19
Мариинский посад	4190	0,14
Чебоксарский уезд	158 350	5,4
Чистополь	29032	0,99
Чистопольский уезд	373 597	12,7
Ядрин	4429	0,15
Ядринский уезд	177 571	6
<i>Всего</i>	<i>2 919 558</i>	<i>100</i>

За годы, последовавшие после первой российской революции, перемены коснулись как численности и состава населения Казанской губернии, так и характера занятости ее жителей. Была проведена аграрная реформа, в деревнях среди крестьян появились новые социальные категории – отрубники и хуторяне. К 1914 г. изъявили желание о выделении из общины 15% крестьян Казанской губернии, успели реализовать свои планы – 7%. Особенно активно выходили из общины русские крестьяне, за ними шли татары и чу-

⁹ Таб. сост. по: НА РТ. Ф.359. Оп.1. Д.645. Л.9.

ваши¹⁰. В целом аграрная реформа в татарских деревнях реализовывалась с большим трудом: довольно сильными были общинные традиции землевладения, поэтому отрубные земельные наделы создавались не во всех обществах. Надо сказать, что «антиотрубные» бунты в деревнях продолжались и в годы Первой мировой войны¹¹. До лета 1914 г. в Казанской губернии отрубы появились лишь в 266 сельских общинах из 2,9 тысяч сельских обществ. Более того, выход из общины деревенской бедноты стал одним из факторов укрепления сельского общества¹², поиска новых форм ведения хозяйства.

Вероятно, традициями общинного землевладения объясняется и незначительность переселенческого движения. Из Казанской губернии в 1896–1915 гг. уехало 45 869 чел. и было отправлено еще 14 287 ходоков (представителей крестьян, будущих переселенцев). Для сравнения из Самарской губернии в эти годы уехало 154 849 чел., а ходоков – 192 730 чел.¹³ При этом прибыло в Казанскую губернию в данный период 8 728 переселенцев и 8 767 ходока. Нельзя исключать того, что среди них могли быть вернувшиеся обратно переселенцы¹⁴.

С каждым годом нового XX столетия все больше крестьян в поисках временного или постоянного заработка отправлялись в города. Но в довоенный период в Казанской губернии темпы урбанизации оставались слабыми.

Численность горожан начала активно расти после начала войны. Для сравнения, в 1904 г. городское население составляло 9,5% (231 371 чел.) от общего числа жителей Казанской губернии, в 1916 г. этот показатель составил уже 11% (295 205 чел.)¹⁵. По другим данным, количество городского населения Казанской губернии к лету 1916 г. выросло до 302 176 человек (10,3% от общей численности населения)¹⁶. Одной из причин роста стало уве-

¹⁰ Перцов В.В. Указ. соч. – С.28.

¹¹ Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). – Казань, 1932. – С.182.

¹² Зайнуллина Ф.Г., Шайдуллин Р.В. Татарское крестьянство Казанской губернии в период столыпинской аграрной реформы (1906–1914) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – Т.150, кн.1. – С.118.

¹³ Статистический ежегодник России 1916 г. – Вып.1. – М., 1918. – С.98–99.

¹⁴ Там же. – С.96–97.

¹⁵ Адрес-календарь Казанской губернии на 1905 год. – Казань, 1905. – С.346; Перцов В.В. Очерк статистики и экономики Казанской губернии. – Казань, 1919. –С.14.

¹⁶ НА РТ. Ф.359. Оп.1. Д.645. Л.9.

личение численности Казанского гарнизона¹⁷. Всего за шесть месяцев, с лета 1916 г. до 1 января 1917 г. численность жителей г. Казани увеличилась более чем на 24,5 тыс. человек и составила 240 тыс. человек¹⁸.

Первая мировая война стала трагедией для большей части населения страны. В общей сложности в ходе войны в России было мобилизовано 19 млн. человек (10,5% населения)¹⁹. Начало войны во многих губерниях практически совпало с началом всеобщей плановой военной мобилизации. Например, в Казанском военном округе она началась 18 июля. В дальнейшем, в 1914 г. внеплановых призывов было еще три: 20 сентября, 20 ноября и 30 декабря²⁰.

Из Казанской губернии в 1914 г. были призваны 12 123 новобранца. В первое время брали молодых людей достигших законного 20-летнего возраста. Делалось это, главным образом, за счет призыва запасных чинов, которых в 1914 г. было в 5 раз больше, чем новобранцев²¹. Практически из каждой, даже небольшой деревни, уходили десятки и сотни взрослых мужчин. Например, только в июле 1914 г. из одного Мамадышского уезда Казанской губернии было призвано 6000 запасных солдат²². Военнообязанными нижними чинами в годы Первой мировой войны считались мужчины до 43 лет.

Мобилизованных военных временно размещали не только в казармах, но и в зданиях учебных заведений, пивных лавок и трактиров, частных домах. Не все уездные города справлялись с расквартированием призывников. Так, в Свяжске количество мобилизованных нижних чинов превышало количество горожан, из-за нехватки мест, солдат устроили в близлежащих селениях, а также в бездействующем Паратском заводе (позднее заводские постройки использовались для размещения военнопленных)²³.

В 1915–1916 гг. было объявлено 12 мобилизаций, каждый год по шесть раз. Иногда призыв продолжался практически непрерывно по три месяца. Если в первый год брали запасных нижних чинов, отслуживших когда-то в армии, то последующие мобилизации затронули тех, кто ни разу не был в солдатской форме, как

¹⁷ НА РТ. Ф.359. Оп.1. Д.642. Л.30.

¹⁸ Статистический ежегодник России 1916 г. – С.89.

¹⁹ Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн.1. – М., 2005. – С.505.

²⁰ Обзор деятельности по Казанской губернии за первый год Великой Отечественной войны 1914–1915 гг. // Адрес-календарь и справочная книга Казанской губернии за 1916 год. – Казань, 1916. – С.V.

²¹ Казаков А.Е. Организация и проведение военной мобилизации в Российской империи в 1914 году (на примере Казанского военного округа) // Вестник СамГУ. – 2007. – №5/7 (59). – С.191–192.

²² НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1492. Л.116.

²³ Обзор деятельности по Казанской губернии за первый год Великой Отечественной войны... – С.Х–ХI.

получивших, когда-то отсрочку, так и юношей-новобранцев. В 1916 г. в армию принимали уже призывников 1919 года.

В 1917 г. прошли еще две мобилизации: 1 февраля и 1 марта. Февральский набор был «малочисленным», по сравнению с остальными мобилизациями: на фронт ушли 30 тысяч человек. В марте воинские ряды пополнились еще 600 тысячами солдат²⁴. Практически каждая мобилизация забирала от 500 тысяч до 1,5 миллиона человек по всей стране.

За годы войны из Казанского военного округа было отправлено 7950 маршевых рот (около 2,4 млн. солдат и офицеров). Только из одной Казанской губернии было взято в армию 290 тысяч человек²⁵.

По данным историка Х.М.Абдуллина, которые он любезно предоставил нам, к началу Первой мировой войны на территории Казанского военного округа были расквартированы пехотные полки 41, 45 и 47 пехотной дивизии. Все они были отправлены на фронт. Из новобранцев Казанской губернии были сформированы 94-й, 95-й, 164-й и 240-й пехотные запасные полки, вошедшие в состав 13-й пехотной запасной бригады. Солдаты, прошедшие в этих полках курс обучения, отправлялись маршевыми ротами (1 офицер и 100 рядовых) на восполнение боевых потерь в действующие на фронте полки. Поэтому уроженцы Казанской губернии воевали в составе различных полков и на самых разных фронтах. Но определенный «казанский след» имел 162-й пехотный Ахалцыхский полк, который до войны расквартировался в Казани. В его составе заметное место занимали выходцы из Казанской губернии.

Кроме того, только в 1914 г. в Казани были сформированы 77-я артиллерийская и парковая бригады, 305-й Лаишевский полк, 106-й Мокшанский полк²⁶. По данным исследователей из Национального музея РТ, солдаты из Поволжья участвовали во многих боевых операциях Первой мировой войны, в том числе во взятии Галича на Днестре, в блокаде Перемышля, в боях на Карпатах, в знаменитом Брусиловском прорыве в мае-июле 1916 г.²⁷

Вместе с тем, к концу войны достаточно было и тех, кто самовольно покидал войсковые части. По Казанскому военному округу число таких солдат с 1 января 1915 года по 1 ноября 1916 г. достигло 5,6 тысяч человек²⁸. Всего же за годы войны по всей стране насчитывалось 365 137 дезертиров. Сильно увеличилось их коли-

²⁴ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М., 1925. – С.17.

²⁵ История татар с древнейших времен в семи томах. – Т.7. – Казань, 2013. – С.70.

²⁶ Казанский телеграф. – 1914. – 27 ноября. – №6446.

²⁷ Неизвестная Великая война. 1914–1918. Каталог выставки / Национальный музей Республики Татарстан. – Казань, 2014. – С.6–9.

²⁸ Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века. – Казань, 2005. – С.83.

чество после февраля 1917 г.²⁹ Рост количества дезертиров был связан и с двоевластием. Например, в августе 1917 г. Казанский совет рабочих и солдатских депутатов издал указ об освобождении от службы солдат, достигших 40-летнего возраста, что противоречило действующему законодательству³⁰.

Помимо дезертиров, в тылу немало было отпускных солдат, не все из них спешили обратно на фронт. «В настоящее время из частей войск очень много прибывают на родину в кратковременный отпуск нижние чины, а потому предписываю иметь самое строжайшее наблюдение за таковыми нижними чинами, числив их на учет, дабы они своевременно убывали в свою часть из мест жительства», – просил воинский начальник Царевококшайского уезда Казанской губернии председатели волостных правлений в июне 1916 г.³¹

Среди отпускных солдат были и те, кому исполнилось 43 года. Из-за возраста они подлежали демобилизации. Однако многие из них, будучи отцами семейств, для того чтобы и дальше получать казенные пайки, не торопились к воинским начальникам для увольнения со службы. Они предпочитали числиться военнослужащими³². Дороговизна жизни была ужасающей, поэтому пособия для многих семей военнослужащих оставались чуть ли не единственным источником дохода.

Война стала частью повседневности жителей губернии. Особенно в первые годы войны массовым было благотворительное движение³³. Повсеместно открывались госпитали и другие социальные заведения (столовые, приюты), с целью оказания помощи раненым и увечным воинам, а также их семьям.

В Казань ежедневно прибывали поезда и пароходы с ранеными. В некоторые дни в губернский город привозили более 400 человек³⁴. Раненых принимали представители трех ведомств (Красного Креста, земства и городского самоуправления)³⁵. Под их началом различными общественными объединениями и учреждениями организовывались госпитали и лазареты. Согласно постановлению Общегородского союза помощи больным и раненым воинам и семьям

²⁹ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. – Жуковский; М., 2001. – С.184.

³⁰ Материалы к десятилетию октября в Татарской Республике (для докладчиков). – Казань, 1927. – С.4.

³¹ ГАРМЭ. Ф.243. Оп.1. Д.3. Л.5.

³² ГАРМЭ. Там же. Л.72.

³³ Миронова Е.В. Казанское дворянство и Первая мировая война: опыт благотворительности // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сб. материалов Всероссийской научной конференции. Казань, 10–11 октября 2014 г. – Казань, 2014. – С.292–299; Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Казань, 2015. – С.182–195.

³⁴ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1493. Л.19.

³⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.5. Д.1358. Л.1860б.

запасных в начале войны во всей Казанской губернии власти должны были организовать госпитали на 9000 мест, причем только в Казани – медицинские учреждения на 4 500³⁶. Но в реальности мест размещения больных и раненых военнослужащих понадобилось еще больше. В конце 1915 г. по всей губернии действовали временные лечебные заведения, рассчитанные на 9 138 мест. Из них – 8 579 мест приходилось на госпитали и лазареты г. Казани, остальные 559 мест размещения были организованы в уездах. Львиная доля больниц была сконцентрирована в самой Казани. В губернском городе функционировало 105 госпиталей и 7 лазаретов. При этом лазарет казанского общества «Красного Креста» насчитывал 13 отделений в городе и 2 филиала в Казанском и Свияжском уездах³⁷. Одним из казанских госпиталей в эти годы руководил знаменитый хирург А.В.Вишневский; вместе с тем, он продолжал читать лекции по госпитальной клинике и хирургии в университете.

Госпитали работали в разных районах Казани, в том числе в Кремле (Лазарет военного ведомства). Открывали свои госпитали коммерческие предприятия (например, Торгово-промышленное общество Алафузовых, завод Крестовниковых), общественные объединения. 2 ноября 1914 г. торжественно открылся Мусульманский лазарет в Казани, в церемонии открытия присутствовали губерна-тор, городской голова, военные начальники.

Помимо госпиталей, актуальным был вопрос об оказании помощи инвалидам войны. С этой целью недалеко от Казани близ Раифской пустыни планировалось строительство Дома инвалидов. Большинство горожан и жителей губернии приняли участие в благотворительных сборах. К концу 1915 г. населением губернии было собрано 59 300 рублей, в сосновом лесу на эти деньги возведено Центральное здание и три павильона. Задумка Казанского губернского земского собрания отличалась от городских госпиталей, организованных на скорую руку, своей основательностью и необычным местоположением. Но рассчитан был Дом инвалидов только на 45 человек³⁸.

Большинство вернувшихся с войны солдат-инвалидов даже назначения себе пособий добивалось с большим трудом. Медицинские комиссии, как правило, признавали лишь частичную потерю трудоспособности, либо связывали болезни и увечья не с войной, а списывали на прежнее, довоенное состояние здоровья³⁹.

³⁶ Казанский телеграф. – 1914. – 20 сентября. – №6391.

³⁷ Подсчитано автором по: Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1916 год. – Казань, 1916. – С.604–616.

³⁸ Казанский телеграф. – 1915. – 12 декабря. – №6746.

³⁹ Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Казань, 2015. – С.247–248.

За годы войны на фронт было призвано 10,7% населения Казанской губернии. Это составляло 21,4% всех мужчин губернии или 44,8% трудоспособного мужского населения региона⁴⁰. Поэтому значительно увеличилась доля работающих женщин. Например, если численность мужчин-рабочих в Поволжье в годы войны выросла на 5,7%, то число женщин-работниц – на 202,2%. Женщины и подростки составляли почти половину рабочей силы в текстильной, пищевой, химической промышленности⁴¹. В 1917 г. женская часть населения г. Казани превышала мужскую на 11 440 человек⁴². Сохранилась эта тенденция и в будущем. Так, в 1920 г. в городе на 100 жителей приходилось 45 мужчин и 55 женщин⁴³.

Большая часть предприятий Казанской губернии, в том числе крупнейшие фабрики и заводы, работали на оборонную промышленность. Например, в Казанском казенном пороховом заводе производилась основная часть порохов для нужд российской армии. В 1916 г. было выпущено 271 тыс. пудов этой продукции. В 1915–1917 гг. на территории предприятия был построен второй завод с мощностью до 168 тыс. пудов в год⁴⁴. В числе крупных предприятий были также Торгово-промышленное общество Алафузовых, завод братьев Крестовниковых. За годы войны в Казанской губернии возникли новые крупные промышленные объекты, в том числе обувная фабрика «Поляр» (ныне – «Спартак»), обмундировальные мастерские Шабанова (фабрика «Победа»). Предприятия Казанской губернии занимали ведущее место по производству военного обмундирования, кожи и кожевенной обуви⁴⁵. Кроме этих сфер, значительное число рабочих было занято в пищевом производстве.

Военные заказы способствовали развитию промышленности в сельской местности. Например, численность рабочих товарищества «Братья Комаровы» в с. Кукмор Мамадышского уезда, специализировавшегося на производстве валяной обуви, выросло от 1000 до 1900 человек⁴⁶. Но в основном, в селах функционировали неболь-

⁴⁰ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М., 1925. – С.21.

⁴¹ Галиуллина Г.Р. Женский вопрос в России: региональный аспект (1900–1917 гг.). Дисс. ... к.и.н. – Казань, 1995. – С.51.

⁴² Население г. Казани. 1863–1923. – Казань, 1923. – С.17.

⁴³ Там же. – С.8.

⁴⁴ Циунчук Р.А., Федотова О.В. Предисловие // Казанская губерния в годы Первой мировой войны: сб. документов и материалов / под общ. ред. Д.И.Ибрагимова. – Казань, 2014. – С.6.

⁴⁵ Белялов У.Б. Начало социалистических преобразований в экономике Казанской губернии (октябрь 1917 – август 1918 г.). – Казань, 1961. – С.4.

⁴⁶ Назипова К.А. Национализация промышленности в Татарии (1917–1921). – М., 1976. – С.15; Ермаков В.В. Торгово-промышленное предпринимательство в Нижнем Прикамье в условиях Первой мировой войны // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сб. материалов Всероссийской научной конференции. Казань, 10–11 октября 2014 г. – Казань, 2014. – С.241.

шие трудовые артели. Распространена была работа на дому, когда военное обмундирование изготавливалось в домашних условиях. Встречались и попытки организации специфических производств. Например, в начале 1917 г. в дер. Кульбаево-Мараса Чистопольского уезда торговым домом «Сайфуллин, Зяббаров и Хабибуллин» была открыта спичечная фабрика⁴⁷.

Рабочие и служащие предприятий и учреждений, работавших на оборонную промышленность, пользовались льготами. Военная служба стала своеобразным инструментом влияния на предприятия. Так казанский губернатор предлагал всем военнообязанным рабочим Алафузовского завода ходить в погонах и с кокардой, что бы «это служило постоянным им напоминанием, что они приравнены к тем, кто призван в войска»⁴⁸. Рабочих нервировала эта ситуация, некоторые из них еще в 1915 г. жаловались воинским начальникам на шантаж со стороны администрации⁴⁹.

На этом фоне раздражали различные злоупотребления с фиктивными работниками. На данный аспект работы военных предприятий власти начали обращать внимание лишь через несколько лет после начала войны⁵⁰. Например, призывники довольно часто «устраивались» на работу в Казанский пороховой завод. Предоставляли подобные «услуги» и мелкие предприятия. В такие списки попали Механическо-литейный и Кузнечно-слесарный завод Козлова, крупной завод Анисимова, обмундировавшая мастерская Шабанова⁵¹.

В 1914 г. в Казанской губернии действовало 177 промышленных предприятий с общим числом рабочих 16 836 человек⁵². В следующем 1915 г. в губернии работало 388 заводов и фабрик, с производительностью свыше 1000 рублей. В этих производствах были заняты 18 386 рабочих⁵³. В 1918 г. зафиксировано уже 200 промышленных предприятий с общим числом рабочих 18 384 человека⁵⁴, но из них фактически работало только 130 предприятий, остальные 70 уже не действовали⁵⁵.

⁴⁷ Ермаков В.В. Указ. соч. – С.242.

⁴⁸ История Казани в документах и материалах: XX век. – Казань, 2004. – С.362–363.

⁴⁹ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1517. Л.118.

⁵⁰ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6629. Л.4.

⁵¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6629. Л.54об.–59.

⁵² Татарстан в цифрах. Издание Статистического управления ТССР. – 1923. – №14. – Казань, 1923. – С.72.

⁵³ Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1916 год. – Казань, 1916. – С.804.

⁵⁴ Статистический ежегодник 1918–1920. – Вып. 1. – Т.VIII. – Москва, 1921. – С.64.

⁵⁵ Там же. – С.70.

Подавляющее большинство рабочих еще до войны имело тесные связи с деревней. В весенне-осенний период они работали на собственных земельных наделах или же нанимались батраками к крупным землевладельцам. Обработка земли по-прежнему проводилась старыми методами. Но даже при трехпольной системе и низкой урожайности, до начала войны Казанская губерния вывозила на общероссийский и международный рынок в среднем 20 млн. пудов (около 327,6 тыс. тонн) зерна в год⁵⁶.

С призывом на фронт основной массы трудоспособного мужского населения⁵⁷, главным образом из сельской местности, в Казанской губернии резко сократились посевные площади. По сравнению с 1915 г., в 1916 г. обрабатываемые сельскохозяйственные угодья уменьшились с 2,2 млн. дес. до 1,5 млн. По подсчетам Б.И.Сибгатова, общее сокращение составило 31,7%. Прежде всего, были урезаны посевы ячменя, овса⁵⁸.

Еще одной причиной упадка крестьянских хозяйств стала воинско-конская повинность. Крестьяне тяжело расставались с домашней скотиной, особенно во время полевых работ⁵⁹. Те кто, сдали свои лошади на нужды армии, не сразу сумели получить компенсацию за них⁶⁰.

В 1917 г. урожайность хлебов в Казанской губернии, по сравнению с наиболее благополучным 1909 г., снизилась почти на 68% (с 165,4 до 69,7 млн. пудов). При этом погодные условия революционного года были благоприятными. Сокращение посевов коснулось всех губерний Европейской России. Но данные по объемам собранных хлебов Казанской губернии превышали средний показатель по этим регионам (около 50%)⁶¹. Таким образом, уже в 1917 г. наметились очертания трагедии 1920-х гг. – голода в Поволжье.

⁵⁶ Белялов У.Б. Начало социалистических преобразований в экономике Казанской губернии (октябрь 1917 – август 1918 г.). – Казань, 1961. – С.6.

⁵⁷ По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. из крестьян Казанской губернии было призвано в армию 277,6 тысяч человек. Из городских сословий отправились на фронт гораздо меньше представителей. Например, по данным на 1 сентября 1917 г., в Казанской губернии семьям военнослужащих выдавалось 842,4 тыс. пайков. При этом в деревнях число получателей казенной социальной помощи доходило до 803,8 тыс. человек (очевидно, надо учитывать и многочисленность семей), в городах их было 38,6 тысяч (Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М., 1925. – С.49).

⁵⁸ Сибгатов Б.И. Деревня Казанской губернии в 1916 г. // Хозяйствующие субъекты в аграрном секторе России: история, экономика, право: сб. материалов IV Всероссийской (XII Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Казань, 10–12 октября 2012 г.). – Казань, 2012. – С.246–247.

⁵⁹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6986. Л.22.

⁶⁰ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1492. Л.70.

⁶¹ Шайдуллин Р.В. Сравнительная динамика развития основных отраслей крестьянских хозяйств Казанской губернии в годы Первой мировой и Гражданской войн // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны.

Продовольственная катастрофа была обусловлена многими факторами. Перебои в снабжении учащались с каждым годом войны. Связаны они были главным образом с проблемами транспорта. Железные дороги по стране были распределены неравномерно. Из-за этого затруднялась и мобилизация, и снабжение армии, и обеспечение тыла продовольствием. Например, запасы мяса и хлеба из Сибири просто не доходили до Поволжья. Из-за военного положения не все железнодорожные станции могли принимать продовольственные грузы⁶². Если в 1914 г. гражданские перевозки по железной дороге сократились на 17%, то в следующем 1915 г. этот показатель равнялся уже более 30%⁶³.

Испытывал трудности и водный транспорт. До войны в летнее время Волга активно использовалась для снабжения Казанской губернии продуктами питания, но с лета 1914 г. ее значение упало. Во-первых, во время навигации по реке начали транспортировать новые виды грузов, например, каменный уголь. Во-вторых, часть волжских пароходов в годы войны была переведена на Северную Двину и даже на Днепр, а многих речных работников (бакенщиков) призвали в армию⁶⁴. Все эти факторы осложняли продовольственное снабжение поволжских губерний. При этом по данным Общегубернского совещания по вопросам о борьбе с дороговизной, в 1916 г. Казанская губерния нуждалась в привозных продуктах общей стоимостью 53 520 000 рублей. В это число входили сахар, чай, соль, масло постное, крупы (пшено, рис, перловка, манная и пр.), мясо⁶⁵.

В этих условиях существенную прибыль получали продавцы продуктами питания. Цены в торговых лавках росли не по дням, а по часам. Порой покупателям, стоявшим в одной очереди, торговцы могли предложить одинаковый товар по разной цене. Это возмущало основную часть населения. Невзирая на различные административные меры по привлечению к ответственности спекулянтов, по удержанию твердых цен, они росли с каждым днем. Если в 1915 г. цены выросли на 20%, то в 1916 г. рост составил уже 60%. В последующие годы они росли в катастрофических масштабах: 1917 г. – 630% (6,3 раза), за 1918 г. в 62 раза, за 1919 г. в 695 раз и за 1920 г. в 6 290 раз по сравнению с 1914 г.⁶⁶ Например,

Сб. материалов Всероссийской научной конференции. Казань, 10–11 октября 2014 г. – Казань, 2014. – С.192–193.

⁶² НА РТ. Ф.482. Оп.1. Д.38. Л.21об.

⁶³ Белова И.В. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. – М., 2011. – С.64.

⁶⁴ НА РТ. Ф.482. Оп.1. Д.38. Л.22–22об.

⁶⁵ НА РТ. Ф.482. Оп.1. Д.38. Л.21.

⁶⁶ Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. – М., 2007. – С.47.

обеспеченность населения мукой только в Чистопольском уезде Казанской губернии к 1918 г., по сравнению с 1915 г., снизилась от 32,13 пудов на человека до 4,7⁶⁷.

В этот период уже на государственном уровне обсуждались проекты по введению карточной системы на продовольствие, поскольку удержание цен оказалась малоуспешной мерой. Однако царское правительство не стало вводить повсеместно карточную систему, поскольку не было уверено в своих возможностях по обеспечению этих карточек. Но локальные меры все же принимались, в некоторых городах действовали ограничения на ряд продуктов⁶⁸. Еще в 1916 г. карточки на сахар ввели в 70 губерниях России⁶⁹.

Общество пыталось защитить себя, консолидировать силы для борьбы с дороговизной. Свою нишу заняли различные кооперации, прежде всего, потребительские общества, которые старались продавать продукты питания и предметы первой необходимости по минимальной цене. Так если до войны в Казани функционировали два таких объединения, то в 1915–1916 гг. в городе появилось еще семь потребительских обществ⁷⁰. С упрощением законодательства по регистрации новых обществ, после февраля 1917 г. они стали открываться повсеместно. В майском съезде кооператоров Казанской губернии приняли участие 165 представителей от кредитных и потребительских кооперативов⁷¹. К концу 1917 г. Казанский союз потребительских обществ объединял около 1000 мелких обществ, разбросанных по всей Казанской губернии⁷². Однако и в потребительские общества проникали различные мошеннические схемы⁷³, тем самым терялось их стабилизирующее значение.

В годы Первой мировой войны Казанская губерния превратилась в один из значительных тыловых регионов империи. Уже в первые месяцы войны в Среднем Поволжье появились вынужденные переселенцы: интернированное население и беженцы из западных окраин империи. Показательны данные по численности

⁶⁷ Шайдуллин Р.В. Сравнительная динамика развития основных отраслей крестьянских хозяйств Казанской губернии в годы Первой мировой и Гражданской войн // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сб. материалов Всероссийской научной конференции. Казань, 10–11 октября 2014 г. – Казань, 2014. – С.194.

⁶⁸ Ильюхов А.А. Указ. соч. – С.89.

⁶⁹ Белова И.В. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. – М., 2011. – С.71.

⁷⁰ НА РТ. Ф.482. Оп.1. Д.20. Л.713.

⁷¹ Казанская кооперативная жизнь. Журнал Казанского кооперативного комитета. – 1917. – июль. – №4. –С.25.

⁷² Материалы к десятилетию октября в Татарской Республике (для докладчиков). – Казань, 1927. – С.25.

⁷³ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.28. Л.370.

Казани за 1915–1916 гг. Если по итогам 1915 г. в губернском городе было зафиксировано 197 070 жителей⁷⁴, то уже к лету следующего 1916 г. количество населения Казани выросла до 215 472. Судя по всему, при подготовке официальных данных для Центрального статистического управления в 1915 г. местные власти не учли количество вынужденных мигрантов.

Между тем, к декабрю 1915 г. число прибывших в Казанскую губернию беженцев достигло 67 тыс. человек⁷⁵. Кроме того, в губернию направлялись военнопленные, прежде всего, бывшие солдаты Австро-Венгерской и Германской армии. В некоторых населенных пунктах число военнопленных порой составляло почти половину жителей. Например, такая картина сложилась в Царевококшайске, где в 1916 г. из 3040 жителей уездного города 1079 человек являлись беженцами, гражданскими и военными пленными⁷⁶.

Менялась и этническая картина региона. Например, согласно официальным данным, этнический состав населения г. Казани с 1915 по 1920 г. г. выглядел следующим образом.

Таблица 2⁷⁷

<i>Народность</i>	<i>Количество населения</i>	
	<i>1915 г.</i>	<i>1920 г.</i>
Русские	146 704 ⁷⁸	108 161
Татары-мусульмане	31 320	28 416
Крещеные татары	68	
Чуваши	1053	536
Мари	245	128
Мордва	633	71
Удмурты	31	53
Евреи	2107	5081
Караимы	14	
Немцы	885 ⁷⁹	
Поляки	1612	1753

⁷⁴ Статистический ежегодник России 1916 г. – Вып.1. – М., 1918. – С.87.

⁷⁵ Земская неделя. – 1916. – 21 февраля. – №8. – С.3.

⁷⁶ НА РТ. Ф.359. Оп.1. Д.645. Л.9, 14.

⁷⁷ Таблица сост. по: НА РТ. Ф.359. Оп.1. Д.642. Л.32; Население г. Казани. 1863–1923. – Казань, 1923. – С.33–34. В 1915 г. не были учтены военные, размещавшиеся в городе (29 495 человек).

⁷⁸ Очевидно, эта цифра включала также украинцев, белорусов и представителей других славянских народностей. Например, этнических греков в Казани на самом деле было больше 18 человек. Только на Алафузовских предприятиях трудились десятки представителей греческой диаспоры.

⁷⁹ Судя по всему, в это число были включены подданные Российские империи и интернированное население, а не военнопленные. Так, по этим данным в Казани проживало 706 немецких женщин.

Французы	52	34
Армяне	230	67
Греки	18	59
Латыши	160	604
Литовцы	–	305
Эстонцы	–	87
Мадьяры (венгры)	–	94
Прочие народности	95	–

Война усугубила многие старые проблемы (земельный вопрос, отсутствие единства, гражданская и культурная неразвитость, конфессиональные и этнические противоречия) и прибавила новые: постоянные военные мобилизации и потеря трудоспособного мужского населения страны, транспортный коллапс, дефицит продовольствия и предметов первой необходимости, усиление внутренней миграции (беженцы, интернированные, военнопленные, раненые и отпущенные солдаты). Все эти моменты нашли отражение и в жизни населения Казанской губернии. Несмотря на трудности военной поры, губерния, как тыловой регион, выполняла важную роль по обеспечению фронта промышленными товарами и сельскохозяйственной продукцией.

Февральская революция дала обществу надежду на перемены к лучшему. Одним из министров Временного правительства стал депутат 3-й и 4-й Государственных дум от Казанской губернии – Иван Васильевич Годнев. Однако депутат-прогрессист и министр-контроллер не сумел претворить свое видение нового устройства России в жизнь. Уже в конце июля 1917 г. Годнев подал в отставку вместе с группой министров вслед за А.Ф.Керенским⁸⁰. Точно так же, как стремительная карьера казанского врача Годнева, менялась в 1917 г. ситуация в стране и Казанской губернии. И эти неуловимые перемены во многом были обусловлены разными социальными ожиданиями и отсутствием культуры диалога.

* * *

Ни одна проблема отечественной историографии не пользовалась столь устойчивым научным интересом на протяжении семидесяти лет, как история российской социал-демократической рабочей партии. Молодое Советское государство занималось не только выстраиванием своей системы управления и созданием нового общества, но и тщательно реконструировало собственный вариант истории революции.

⁸⁰ Малышева С. Казанец – министр Временного правительства // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1999. – №1/2. –С.277–278.

1917 год является историческим рубежом, до которого доводились исследования об имперском прошлом, и начинался отсчет научных изысканий о советском времени. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что наши знания о том самом 1917 г. довольно смутные. Прежде всего, это время с февраля по октябрь 1917 г. Следы восьми месяцев действия Временного правительства затеряны в самых различных архивных фондах (иногда, совершенно неожиданных), а из исследовательского фокуса, да и памяти жителей Советской России, события 1917 г. были искусственно вытеснены последующей сакрализацией Великого Октября и формализацией истории. При таком подходе, конечно, не было возможности для развития других историографических традиций. Процесс создания истории революции 1917 г., с точки зрения советов, представлен в монографии С.Ю.Малышевой. «В 20-е – середине 30-х гг. шел процесс селекции нужного и ненужного для создававшейся государственнической, охранительной концепции истории революции (да и страны вообще)», – отмечает она⁸¹. С 1938 г. каждый советский исследователь был вынужден руководствоваться кратким курсом истории ВКП(б).

В этой связи, не стали исключением и работы по истории революции на материалах Казанской губернии. Большинство из них посвящено периоду подготовки «вооруженного восстания пролетариата» – с июля по октябрь 1917 г. Необходимо отметить имена татарстанских исследователей революции И.М.Ионенко, М.К.Мухарямова, И.Р.Тагирова, Р.К.Валеева, внесших значительный вклад в изучение событий 1917 г. на территории Казанской губернии⁸². Но известная научная парадигма позволяла представить прошлое лишь в схематичном виде. «Человеческого измерения» не было ни в биографических исследованиях⁸³, ни в научных трудах о социальных группах и корпорациях⁸⁴. Поэтому лишь незначительный

⁸¹ Малышева С.Ю. Российское временное правительство 1917 года. Отечественная историография 20-х – середины 60-х годов. – Казань, 1999. – С.94.

⁸² Ионенко И., Тагиров И. Октябрь в Казани. – Казань, 1967; Валеев Р.К. Революционное движение в Среднем Поволжье. Июль-октябрь 1917 г. – Казань, 1972. – 153 с.; Тагиров И. В борьбе за власть Советов (октябрь и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале, июль 1917 – март 1918 г.). – Казань, 1977. и др.

⁸³ Мухаррямов М. Камиль Якубов. – Казань, 1964. – 44 с.; Мухаррямов М.К. Труженик революции: общественно-политическая деятельность Ш.Ахмадеева. – Казань, 1988. – 110 с. и др.

⁸⁴ Анисимов Н.Г. Казанский льнокомбинат. 1860–1960. – Казань, 1960; Смирнова В.Н. Женщины Татарии в борьбе за власть советов. – Казань, 1963; Еникеев Э.А. Деятельность казанских большевиков по революционному воспитанию студенческой молодежи (1905 – февраль 1917 гг.). – Казань, 1973; Назипова К.А. Национализация промышленности в Татарии (1917–1921). – М., 1976. и др.

фактический материал данных трудов представляет определенную ценность при проведении сегодняшних исследований по истории 1917 г. Сборники документов и материалов этого периода также были подчинены логике околопартийного научного поиска⁸⁵.

По иному пути развивалась зарубежная историческая наука, где еще к середине XX в. наметились тенденции по поиску новых методов исследования. В результате, уже во второй половине столетия на арене появились «новая социальная история», «новая культурная история» и многочисленные вариации, вроде истории повседневности, гендерных исследований и т.д. Так, в 1978-м году увидела свет книга Р.Стайтса о «женском вопросе» в Российской империи. Автор рассматривает женскую эмансипацию в тесной связи с идеями нигилизма, с радикальными кружками и т.д.⁸⁶ Позднее эту тему, но немного с другим инструментарием продолжила Б.Пиетров-Эннкер, исследование которой базировалось на подробном анализе и типизации биографий десяти российских феминисток⁸⁷.

Заслуживает внимания исследования японского ученого Харуки Вады о народовольцах в 1917 г. и в период советской власти. В 1980-е гг. он опубликовал статьи о В.Фигнер, Л.Тихомирове, где на основе широкого круга биографических документов реконструировал их неофициальное отношение к революции, повседневную жизнь в условиях новой власти, проанализировал взаимосвязь внутренних убеждений протореволюционеров со способностью выживать в экстремальных условиях⁸⁸.

С начала 1990-х гг. политическая, социально-экономическая, культурная история России началась рассматриваться с новых ракурсов. Безусловно, перемены коснулись и культурной темы советской историографии – истории революции. Ревизионистская волна охватила не только известный образ революции и методы их ин-

⁸⁵ Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой октябрьской социалистической революции. Сб. док. – Т.1. – Казань, 1950; За власть советов. Сборник воспоминаний участников октябрьских событий в Татарии. – Казань, 1957; Татария в борьбе за победу пролетарской революции (Февраль – октябрь 1917 г.). Сб. док. и матер. / под ред. М.К.Мухарямова, В.П.Тимофеева, С.Н.Фомичева. – Казань, 1957; Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября: Сб. док. и матер. / сост. Н.М. Силаева. – Казань, 1958; Документы по истории Октября в Татарии (март 1917 – март 1918) / Сост. Л.В. Горохова, Н.М. Силаева, И.М. Ионенко – Казань, 1973; Деятельность Советов Татарии (1917–1978). Док. и матер. /отв. ред. С.Г. Батыев, ред. А.М.Каримов, М.К.Мухарямов. – Казань, 1983.

⁸⁶ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. – М., 2004.

⁸⁷ Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России: Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции.– М., 2005.

⁸⁸ Вада Х. Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды / Пер. с япон. и англ. – М., 1999. – С.87–162.

терпретации, но и документальную базу исследований. Например, содержательная критика мемуаров об Октябрьской революции в Среднем Поволжье содержится в источниковедческой диссертации М.А.Казаковой: автор провела сравнительный анализ опубликованных текстов с архивными материалами⁸⁹.

Отход от традиционной историографической традиции дал возможность восполнить так называемые «белые пятна» событийной истории. Поэтому важным направлением татарстанской историографии стало изучение насыщенной общественно-политической жизни татар начала XX столетия. Безусловно, данная научная задача была продиктована демократическими реформами в постсоветском обществе. Конец XX в. с его идеями национальных суверенитетов во многом был схож с общественными настроениями начала XX в., когда в обществе наблюдался рост правосознания и выдвигались требования о пересмотре положения инородцев и мусульман, все явственнее осознавалась национальная идентичность, которая впоследствии трансформировалась в требование о национально-культурной автономии. Эти страницы истории до перестройки рассматривались лишь как буржуазные отклонения, представляющие собой узкие интересы имущих классов. На рубеже XX–XXI вв. данные исторические пробелы были в определенной степени восполнены. В исследовательском фокусе появились различные сюжеты революционной эпохи: об общественно-политической активности татарских интеллектуалов, о всероссийских мусульманских съездах, военных организациях, проектах татарской автономии, о движении мусульманок за равноправие и т.д.⁹⁰.

В этой связи стоит отдельно выделить исследование С.М.Исхакова, избравшего объектом научного анализа мусульманское общество России в условиях революций 1905 и 1917 гг.⁹¹ Его работы отличает не только насыщенный фактический материал, но и сочетание событийной истории с элементами историко-антропологического анализа. Например, он одним из первых, еще в сере-

⁸⁹ Казакова М.А. Воспоминания об Октябрьской революции в Среднем Поволжье как исторический источник. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 1994.

⁹⁰ Хабутдинов А.Ю. Татарское общественно-политическое движение в досоветский период: 1900–1918 гг. – Казань, 1997; Усманова Д.М. Февраль 17-го в телеграммах от мусульманского населения // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1997. – № 1/2. – С.166–167; Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. – Казань, 2000; Гиззатуллин И.Г. Мусульманские военные организации (1917–1921 гг.). – Казань, 2002; Фаизов С. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. – Н.Новгород, 2005. и др.

⁹¹ Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). – М., 2004; Его же. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. – М., 2007.

дине 1990-х гг., обратился к изучению психологии мусульман в контексте революционной эпохи.

Помимо социальных групп, в том числе этноконфессиональных общностей, на рубеже XX–XXI вв. научные силы были направлены на изучение деятельности различных институтов власти. Особое внимание в данный период вызывали как органы самоуправления (земства, городские думы), так и специфические учреждения периода революции⁹². Часть этих работ носила политологический характер, поэтому историческим материалам в них отводилась скорее вспомогательная роль⁹³. Кроме того, в данной исследовательской стратегии превалировал анализ нормативно-правовых актов, но мало внимания уделялось взаимодействию субъектов власти с населением. Этот недостаток во многом можно объяснить особенностями переходного этапа: смена идеологического фасада исследований не всегда влекла за собой полную замену научных инструментов. Осталась привычка к одномерной истории.

Перемены в осмыслении революционной эпохи на региональном уровне в большей степени демонстрируют публикации научно-популярного характера, а также документальные издания. Дневники, письма и воспоминания, пожалуй, являются основными опорными точками в реконструкции многомерной картины прошлого⁹⁴.

⁹² Морозов А.В. Больничные кассы и страхование рабочих в Казанской губернии. 1912–1919. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2000; Диндаров А.И. Земельные комитеты Среднего Поволжья в 1917–1918 гг. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2002; Солдатов Я.В. Казанское земство в период Первой мировой войны: историко-политический анализ. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2004; Мансуров Р.З. Февральская революция в Казанской губернии как фактор новой общественно-политической ситуации в крае. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2006.

⁹³ Халилова Т.В. Региональное лидерство и политическая культура (на материалах Казанской губернии). Февраль 1917 – июль 1918 гг. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2000; Румянцев Д.Е. Демократизация органов городского самоуправления в Поволжье в 1917 году: историко-политический анализ. Автореф. дисс. ... к.и.н. – Казань, 2006.

⁹⁴ Баруди Г. Памятная книжка / пер. с тат. // Казань. – 1998. – №10/11. – С.79–89; Малышева С. Пожар на Пороховом, или «казанская катастрофа» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – №3/4. – С.288–293; «Мне нужна только свобода и свобода...». Письма И.Казакова с фронта, адресованные Н.Казаковой / публ. Л.Хузеевой // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2002. – №1/2. – С.101–106; Дневник М.В. Нечкиной: Казань и Казанский университет (1917–1924 гг.) / Вступительная статья, комментарии и подготовка текста к публикации А.Н.Бикташевой. – Казань, 2003; Ильина О.А. Канун Восьмого дня. – Казань, 2003; Кузнецова Л.О. Казань в 1917 году URL: archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymous/print/?id=8023&type=article (дата обращения 18.11.2016); Мельников Н.А. 19 лет на земской службе (1898–1916): (автобиографический очерк и воспоминания). – Йошкар-Ола, 2008; Фаезова Г. «Царя нашего с престола прогнали...» (К 95-летию Февральской революции 1917 г. в Казанской губернии) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2012. – №1/2. – С.151–156.

Хотя не менее важны и опубликованные источники другого плана (от материалов делопроизводства до газетных публикаций), отобранные по новому принципу и открывшие неизвестные аспекты общественной жизни революционной эпохи⁹⁵.

С середины 1990-х гг. в отечественной историографии предпринимаются первые попытки понять российское прошлое в «человеческом измерении», в том числе и в изучении революций: событий 1905–1907 гг. как своеобразного пролога, так и революций 1917 г.⁹⁶ Именно в историко-антропологических работах намечается тенденция к общности февраля и октября, как составных частей одного исторического явления.

Исследование В.П.Булдакова посвящено природе и последствиям революционного насилия. Автор расценивает революцию как «исход тяжелой болезни», обращаясь к «катастрофическому прошлому» он не занимается характерным для постсоветского времени разоблачением красного террора, не разграничивает палачей и жертв, а ставит для себя более сложные научные задачи. «Общество всегда охотно осуждает убийц, оплакивает их жертв, но суеверно шарахается от анализа поступков самоубийц. Поведение последних пугает куда больше, ибо за ним кроется генетически обусловленная суицидальность человека. Революцию можно рассматривать как массово-историческое проявление этой склонности», – пишет он⁹⁷. Продолжением данной монографии является целый ряд других работ В.П.Булдакова⁹⁸.

Другим направлением исследований, наметившимся к рубежу XX–XXI вв., стало изучение символики революции 1917 г. Значительный вклад в изучение данного аспекта политической культуры внес Б.И.Колоницкий⁹⁹. В качестве «инструментов самоорганизации толпы» он анализирует известные с 1905 г. революционные песни и

⁹⁵ Тагиров И. Октябрь в Казани: новое прочтение // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2003. – №1/2. – С.73–86; Малышева С. «Великий исход» казанских университетариев в сентябре 1918 г. // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2003. – №1/2. – С.87–92; У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны. 1914–1917). Сборник документов и материалов. Кн.2. – Казань, 2003; История Казани в документах и материалах. XX век / Под ред. Р.У.Амирханова. – Казань, 2004.

⁹⁶ Подробнее см.: Человек в революции: Казанская губерния: в 2 т. – Т.1. 1905–1907. – Казань, 2015. – С.23–24.

⁹⁷ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997. – С.6.

⁹⁸ Булдаков В.П. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. – М., 2011; Его же. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. – М., 2012.

⁹⁹ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. – СПб., 2001.

красные флаги, революционные ритуалы («праздники свободы», «красные похороны»). Не менее любопытны наблюдения историка о влиянии «языка революции» на ономастику, когда менялись не только названия учреждений и фирм, но и фамилии (Романовы, Николаевы, Распутины и др.), а взамен появились граждане Республиканские, Обновленские, Расцветаевы, Демократовы¹⁰⁰.

Продолжением данной научной проблематики о символах революционной эпохи является монография С.Ю.Мальшевой о праздничной культуре в российской провинции в 1917–1927 гг.¹⁰¹ Исследование базируется на материалах Татарской АССР. Предваряя историю советских праздников, автор останавливается на истоках этой культуры и рассматривает революционный 1917 г. в Казанской губернии.

С.Ю.Мальшеву можно по праву назвать одним из пионеров историко-антропологических исследований в Татарстане. Научный коллектив, в лице Е.А.Вишленковой, С.Ю.Мальшевой и А.А.Сальниковой, подготовил научное издание об университетской корпорации на примере истории Казанского университета за два столетия. В данной книге авторы коснулись и революционного 1917 г. – это и легковесная оценка профессурой новой власти, лояльное отношение к комиссарам Временного правительства, сотрудничество с казанским Советом (они работали и в культурно-просветительской комиссии при Совете). Характерно, что после октябрьских событий университетские ученые воспринимали большевиков как временное явление¹⁰². Этот микроисторический подход прекрасно демонстрирует отношение большинства населения к революции: она расценивалась скорее как временное неудобство, но никак не эпохальное событие с катастрофическими последствиями.

Продолжением сотрудничества авторского коллектива является монография о культуре повседневности Казани в XIX–XX вв. В этой работе затронуты отдельные аспекты культуры потребления, изменения городского пространства в годы революции, но переходному этапу уделено минимальное внимание, в фокусе исследования, прежде всего, «долгий» XIX век и советская действительность. Неслучайно авторы определяют революционное время как «распад повседневности», на пути к коммунальному быту¹⁰³.

¹⁰⁰ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. – 2-е изд., доп. – СПб., 2012. – С.227.

¹⁰¹ Мальшева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). – Казань, 2005.

¹⁰² Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. – Казань, 2005. – С.216–217.

¹⁰³ Вишленкова Е., Мальшева С., Сальникова А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX–XX веках. – Казань, 2008.

Между тем, революционная эпоха с материальной неустроенностью, продовольственным кризисом и проблемами в товарном снабжении, породила так называемую экстремальную повседневность. Эти новые реалии были отмечены собственными механизмами адаптации и новыми социальными ролями. Данная проблематика была обозначена еще П.Сорокиным в его автобиографическом, социологическом исследовании 1920-х гг. «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь». Отечественная историография постсоветского времени на солидной документальной базе продолжила эту традицию сопоставления материальных факторов и социального поведения.

Например, в исследовании А.Ю. Давыдова под новым углом зрения рассматривается проблема мешочничества. Автор относит мешочникам роль, пусть нелегальных, но основных снабженцев населения страны продовольствием и предметами широкого потребления. Он выделяет «потребительское мешочничество», когда все население привыкало обеспечивать себя самостоятельно, и каждый человек, отправляясь по делам в деревню, «запасался мешком»¹⁰⁴. Материальные трудности военной поры и революции коснулись, прежде всего, городов. В монографии другого исследователя – А.А.Ильюхова представлен подробный анализ материального положения городских жителей в годы революции и гражданской войны, где особое внимание уделяется и социально-психологическим характеристикам горожан¹⁰⁵.

Но основная масса населения России в 1917 г. оставалась крестьянской. Прилив в крестьянскую среду «новой крови» в виду военнотружущих (отпускных солдат, инвалидов, дезертиров и т.д.) способствовал аграрным беспорядкам и нарастанию хаоса. В монографии Д.И.Люкшина представлен оригинальный анализ крестьянских волнений («общинной революции») на территории Казанской губернии. Работа базируется на документах НА РТ¹⁰⁶. Агрессивное поведение крестьян в условиях 1917 г. во многом было обусловлено особенностями мышления сельского населения. Поэтому одним из актуальных научных направлений является реконструкция «картины мира» крестьянства. Любопытное исследование по менталитету русского крестьянства Среднего Поволжья было представлено О.А.Суховой¹⁰⁷. Примечательно, что предпринимаются

¹⁰⁴ Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг. Мешочники. – М., 2002. – С.25.

¹⁰⁵ Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. – М., 2007.

¹⁰⁶ Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. – М., 2006.

¹⁰⁷ Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX века) по материалам Среднего Поволжья. – М., 2008.

попытки анализа не только отдельно взятой сословной группы, но и представителей одной социальной группы, объединенных ментальными установками. Например, в работе О.С.Поршневой рассматривается поведение крестьян, рабочих и солдат накануне и в годы Первой мировой войны. Сразу следует отметить, что предметом исследования выбрано православное население¹⁰⁸. Хотя среди уральских рабочих, безусловно, были трудящиеся из мусульман: татары, башкиры и др. народы.

Мероприятия, приуроченные к столетию начала Первой мировой войны, дали импульс целому ряду научных исследований о предреволюционной и революционной эпохе. В этот период были опубликованы документальные материалы¹⁰⁹, прошли научные форумы. Например, 10–11 октября 2014 г. в Казани состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны», организованная Институтом истории им. Ш.Марджани АН РТ¹¹⁰. Кроме проблем фронта, героики и трагедии войны, в ней обсуждались вопросы тыла: региональная экономика и продовольственный кризис, взаимодействие власти и населения, общественные настроения, в том числе в революционный период. Межрегиональная конференция «Первая мировая война в истории народов Поволжья», прошедшая 24 октября 2014 г. в Чебоксарах, затронула многие аналогичные вопросы. Но среди докладов особое внимание было уделено проблеме военнопленных и интернированных в Казанской губернии¹¹¹. Несмотря на серьезные исследования¹¹², история вынужденной миграции в Казанской губернии изучена недостаточно, многие вопросы остаются невыясненными.

Революция 1917 г. является не только следствием, но и составной частью Первой мировой войны. Авторы коллективной монографии «Россия в годы Первой мировой войны: экономическое

¹⁰⁸ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. – М., 2004.

¹⁰⁹ Казанская губерния в период Первой мировой войны. Сборник документов и материалов. – Казань, 2014.

¹¹⁰ Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, приуроченной 100-летию начала войны (г.Казань, 10–11 октября 2014 г.) / Под общ. ред. Л.Р.Габдрафиковой. – Казань, 2014.

¹¹¹ Первая мировая война в истории народов Поволжья: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (г. Чебоксары, 24 октября 2014 г.) / сост. и отв. ред. Ю.В.Гусаров. – Чебоксары, 2015.

¹¹² Ниманов Б.И. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 гг. в Поволжье. Автореф. дисс. ... к.и.н. – М., 2009; Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922). – М., 2014.

положение, социальные процессы, политический кризис», опубликованной в 2014 г., следовали именно этой логике. Работа носит комплексный, обобщающий характер. Положение Российской империи мало чем отличалось от ситуации в других странах, втянутых в мировую войну и столкнувшихся с аналогичными социально-экономическими трудностями. Однако, как отмечают авторы, в остальных воюющих государствах «проявления социального недоверия были направлены, как правило, не против системы, а на преодоление отдельных, наиболее болезненных, последствий войны». В результате, в Западной Европе повсеместно после 1918 г. наступила эра реформ, тогда как в России – эпоха революции и гражданской войны¹¹³. Тема войны и революции была продолжена в монографии В.П.Булдакова и Т.Г.Леонтьевой. Авторы ставят во главу угла не столько экономический кризис, а не соответствие социальных ожиданий, «связанных с обещанной победой», и реального положения на фронте¹¹⁴.

К столетию Первой мировой войны было приурочено издание монографий, подготовленных сотрудниками Института истории им. Ш.Марджани АН РТ¹¹⁵. Обе книги сочетают смешанный подход, наряду с традиционным событийным изложением в них присутствует историко-антропологический анализ эпохи войны и революции. Большое внимание уделено вопросам межличностного взаимодействия, материальным аспектам жизни, социокультурной истории.

Продолжением этой исследовательской стратегии является представленная вниманию читателя коллективная двухтомная монография «Человек в революции: Казанская губерния», посвященная российским революциям начала XX в. Казалось бы, что нового можно сказать об этих известных еще со школьных учебников революционных днях? Да и историография постсоветского времени внесла значительную лепту в изучение истории с новой точки зрения, с учетом голосов прошлого из другого идеологического лагеря. Однако за борьбой политических групп очень часто забывался сам исторический актер, обычный человек. «Если придет гибель – она придет от обывателя», – пытался предупредить соотечествен-

¹¹³ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. – М., 2014. – С.959.

¹¹⁴ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию: Россия, 1914–1917 гг. – М., 2015.

¹¹⁵ Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Казань, 2015; Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р. Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. – Казань, 2015.

ников социолог П.Сорокин еще в сентябре 1917 г.¹¹⁶ Мы не будем так категоричны.

Но признаем, что сегодня важно с новых научно-методических позиций дать объективную оценку революционной эпохе 1917–1918 гг., провести ретроспективу социально-экономических и общественно-политических потрясений начала XX в. с привлечением дополнительной документальной базы.

Как и в первом томе, посвященном первой российской революции, в центре данного исследования – житель Казанской губернии: крестьянин, рабочий, чиновник, студент. Если в первом томе мы особо выделяли расцвет этноконфессиональных культур в Поволжье в начале XX в., то предшествовавшая революционным потрясениям 1917 г. Первая мировая война внесла свои кардинальные изменения в жизнь губернии. Концепция второго тома была построена, прежде всего, с учетом специфики военного времени. Поэтому объектом научного анализа во втором томе стали новые герои: военные, женщины, вынужденные мигранты войны.

При проведении исследования коллектив авторов руководствовался главным образом историко-антропологическим подходом. Основное внимание было уделено социально-психологической составляющей революции: массовому сознанию, «женскому вопросу», взаимоотношениям в коллективах и сообществах, понятию «свой-чужой», как к элементу коммуникации.

В ходе исследования был значительно расширен круг источников, помимо традиционных делопроизводственных документов, в научный оборот были введены материалы личного происхождения: дневники, письма, автобиографии, мемуары. Поиск и сбор библиографического материала проводился в фондах Национального архива Республики Татарстан, Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан, Национального музея Республики Татарстан, Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета, Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Национального музея Республики Марий-Эл, Национальной библиотеки Республики Татарстан.

В первой главе рассматриваются вопросы взаимодействия власти и общества в 1917 году: трансформация региональной и муниципальной власти, отношение населения к новым представителям власти, символика старой и новой власти, общественные настрое-

¹¹⁶ Сорокин П. Заметки социолога. Социологическая публицистика. – СПб., 2000. – С.127.

ния в эпоху революционных перемен. Эта глава написана Е.В.Мироновой, Л.Р.Габдрафиковой, А.Р.Мухамадеевым, И.Е.Крапоткиной.

Во второй главе события 1917 г. в Казанской губернии проанализированы на примере различных коллективов и сообществ, связанных между собой общими интересами и задачами. В каждой группе имелись внутренние противоречия и конфликты, которые обострились в революционную эпоху. Параграфы данной главы написаны Р.Р.Батыршиным, Л.Р.Габдрафиковой, Х.М.Абдуллиным, Л.А.Бушуевой.

Третья глава монографии посвящена положению женщин губернии. Первая мировая война актуализировала вопросы женской эмансипации, которая для представительниц некоторых социальных групп (например, солдаток) стала вынужденной. Февральская революция подарила россиянкам равноправие, наделила их избирательными правами. Но при этом представительницы разных социальных, этноконфессиональных групп реагировали на эти перемены по-разному. Параграфы третьей главы написаны Е.В.Мироновой, Р.Р.Батыршиным, Л.Р.Габдрафиковой.

Четвертая глава исследования посвящена самой уязвимой категории населения губернии, так называемым «чужим»: военнопленным, беженцам из западных губерний империи и мирным гражданам вражеских стран. Эти социальные группы Казанской губернии до сих пор оставались не изученными, впервые в научный оборот вводятся архивные документы по вынужденным мигрантам Первой мировой войны на территории Казанской губернии. Глава написана Л.Р.Габдрафиковой и Е.В.Мироновой.

Заключение и приложения подготовлены Л.Р.Габдрафиковой, иллюстрации подобраны Л.Р.Габдрафиковой и Е.В.Мироновой.

Коллективное научное исследование «Казанская губерния в 1917 году: историко-антропологический анализ» проводилось в 2016–2017 гг. в рамках государственной программы РТ «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014–2016 годы». За короткий срок молодыми исследователями этой творческой группы был подготовлен оригинальный научный труд, который, безусловно, станет новым словом в региональной историографии. Мы признательны руководству Республики Татарстан за поддержку наших научных исследований.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
ГА РМЭ – Государственный архив Республики Марий-Эл
КГЖУ – Казанское губернское жандармское управление
КОБ – Комитет общественной безопасности
КУО – Казанский учебный округ
МНП – Министерство народного просвещения
НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
НМ РМЭ – Национальный музей Республики Марий-Эл
НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
ОРРК – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета
ОХДИ – Отдел хранения документальных источников
РГИА – Российский государственный исторический архив
РНБ – Российская национальная библиотека
ЦГАИПД РТ – Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан
ЦПимН ИЯЛИ АН РТ – Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусств им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллин Халим Миннуллович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея археологии РТ Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Область научных интересов: военная история России XVIII – начала XX вв., история археологической науки в Татарстане. Автор более 70 научных публикаций, в том числе монографии «Военные учреждения и заведения Казанского кремля в XVIII – первой половине XX вв.» (Казань, 2013), «История татар с древнейших времен в 7 т. Т.VII» (авт. колл.) (Казань, 2013), «Великий Болгар. Атлас из серии "TARTARICA"» (авт. колл.) (Казань, 2013), «Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)» (в соавт. с Л.Р.Габдрафиковой) (Казань, 2015), «Great Bolgar. A TARTARICA Series Atlas» (авт. колл.) (Казань, 2015).

Батыршин Рустам Рафаэлевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ. Область научных интересов: социально-экономическая история России конца XIX – первой половины XX вв., аграрная история России начала XX в., политическая история России XX в., этнография и культура народов Среднего Поволжья, этнокультурные и межконфессиональные отношения народов России. Автор более 30 научных публикаций, в том числе научных изданий: «Центральные органы государственной власти и управления Татарстана (1920–2010 гг.)» (авт. колл.) (Казань, 2010); «Татарстан: Иллюстрированная энциклопедия» (авт. колл.) (Казань, 2013); «Республика Татарстан: Проблемы политического, экономического и социокультурного развития в XX – начале XXI вв.» (авт. колл.) (Казань, 2013), «Человек в революции. Казанская губерния. Т.1. 1905–1907 гг.» (авт. колл.) (Казань, 2016).

Бушуева Людмила Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. Область научных интересов: история России XIX–XX вв., история российского высшего образования, история повседневности. Автор более 20 научных публикаций, в том числе монографии «Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг.» (Казань, 2012), «История татар с древнейших времен в 7 т. Т.VII» (авт. колл.) (Казань, 2013), «Человек в революции. Казанская губерния. Т.1. 1905–1907 гг.» (авт. колл.) (Казань, 2016).

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. Область научных интересов: повседневная история татар XIX – нач. XX в., историческая урбанистика, Первая мировая война, рабочая история имперского периода, микроистория. Автор более 80 научных публикаций, в том числе монографий «Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований (вторая половина XIX – начало XX века)» (Казань, 2013), «Города и горожане Уфимской губернии в 1870–1892 гг.: по материалам органов местных самоуправлений» (Казань, 2013), «История татар с древнейших времен в 7 т. Т.VII» (авт. колл.) (Казань, 2013), «Татары в годы Первой мировой войны: 1914–1918 гг.» (в соавт. с Х.М.Абдуллинным) (Казань, 2015), «Фирма Алафузова: (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России» (в соавт. с Б.И.Измайловым, Р.Р.Салиховым) (Казань, 2015), «Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века)» (Казань, 2015), «Человек в революции. Казанская губерния. Т.1. 1905–1907 гг.» (авт. колл.) (Казань, 2016).

Крапоткина Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Елабужского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета. Область научных интересов: история и развитие учебно-окружной системы образования в России в XIX в., управление и административные структуры учебного округа, педагогическая интеллигенция. Автор более 30 научных публикаций, в том числе монографий: «Очерки истории здравоохранения города Елабуги (XIX–XX вв.)» (авт. колл.) (Елабуга, 2007), «Экология и здоровье населения городов Волго-Камского региона: исторический аспект» (в соавт. с А.М.Калимуллинным, И.В.Масловой) (Казань, 2009), «Казанский учебный округ в конце XIX – начале XX в.» (М., 2011), «Человек в революции. Казанская губерния. Т.1. 1905–1907 гг.» (авт. колл.) (Казань, 2016).

Миронова Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. Область научных интересов: история Казанской губернии второй половины XIX – начала XX века, дворянство, локальная история. Автор более 50 научных публикаций, в том числе монографий: «Дворянское самоуправление Казанской губернии в 1861–1917 гг.» (Казань, 2013), «Уездный город Тетюши во

второй половине XIX – начале XX века» (Казань, 2015), «Человек в революции. Казанская губерния. Т.1. 1905–1907 гг.» (авт. колл.) (Казань, 2016).

Мухамадеев Алмаз Раисович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. Область научных интересов: история права татарского народа и Татарстана. Автор более 70 научных публикаций, в т.ч. 7 монографий, среди которых: «Шариатская комиссия при Народном комиссариате юстиции (1920-х гг.)» (Казань, 2009); «Главный суд и судебная система ТАССР (1923–1937 гг.)» (Казань, 2009); «Право Волжской Болгарии. Часть 1. Преступления и наказания, правосудие» (Казань, 2013); «Право Волжской Болгарии. Часть 2. Проблемы феодализма и землевладение, налоговая система» (Казань, 2014).

Человек в революции: Казанская губерния.
Т.2. 1917 г.

Коллективная монография

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*
Подписано в печать 26.06.2017 г. Формат 60×84 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 27,0 Тираж 200 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46,
231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф